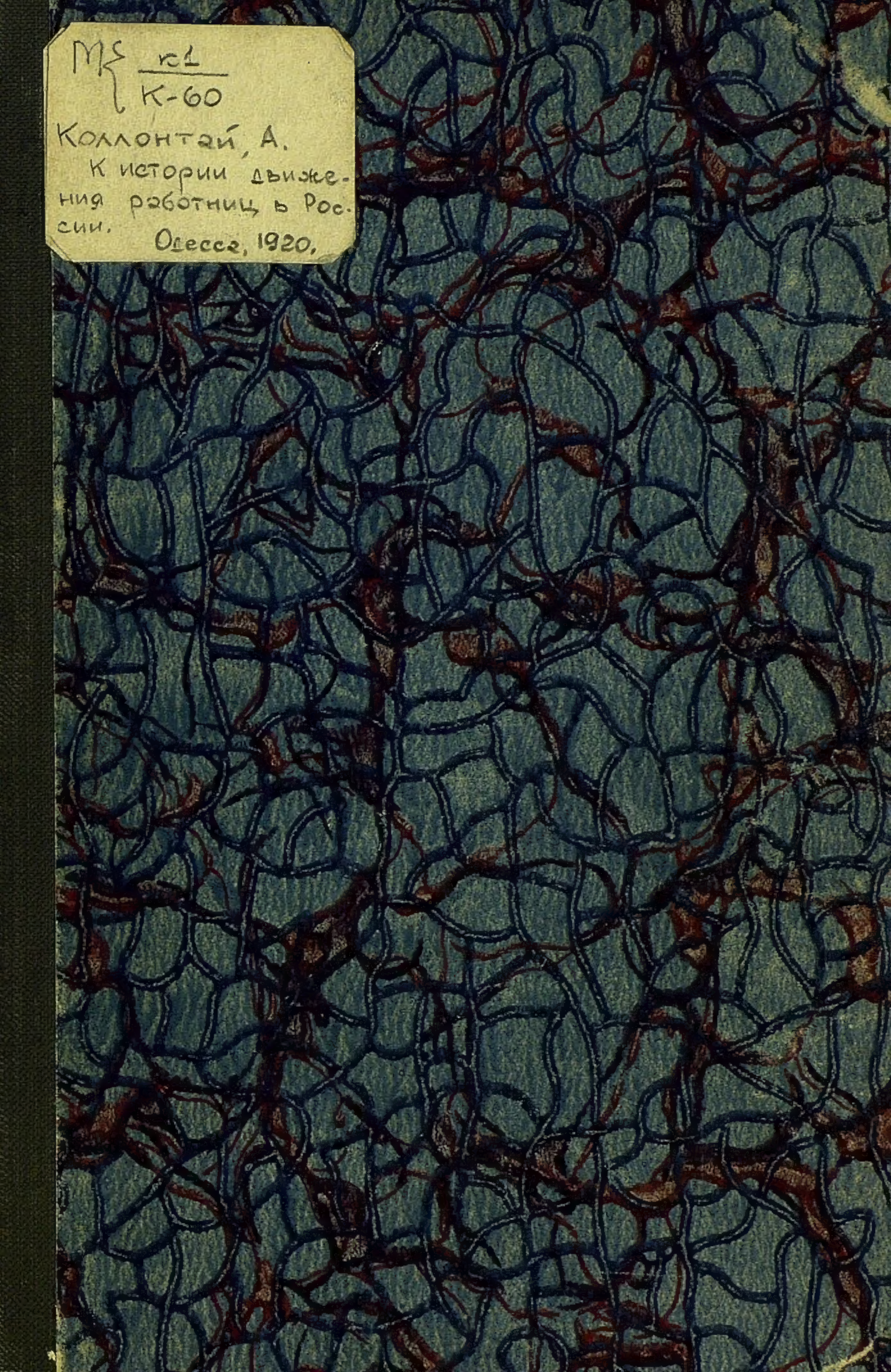

МК к1
К-60
Коллонтай, А.
К истории движения работниц в России.
Одесса, 1920.

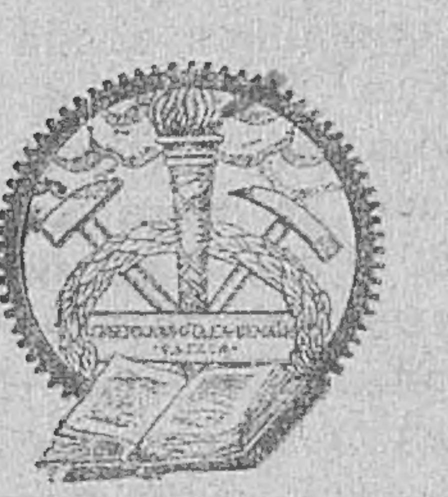
Украинская Советская Социалистическая Республика.

№ 15.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ РАБОТНИЦ В РОССИИ.

Цена 7 руб.

ИЗДАНИЕ
ГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ПЕЧАТИ
Одесса, 1920 г.

Четвертая Советская типография

К истории движения работниц в России.

Когда, с какого времени следует считать начало женского рабочего движения в России? По существу своему, движение работниц неразрывно связано с общерабочим движением, одно от другого неотделимо. Работница, как член пролетарского класса, как продавец рабочей силы, восставала каждый раз, когда и рабочий вступался за свои попранные человеческие права, участвовала наравне и вместе с рабочими, во всех рабочих восстаниях, во всех ненавистных царизму „фабричных бунтах".

Поэтому начало движения работниц в России совпадает с первыми проблесками пробуждения классового самосознания русского пролетариата, с его первыми попытками путем дружного натиска, стачек, забастовок добиться более сносных, менее унизительных и голодных условий существования.

Работница являлась активной участницей рабочих бунтов на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г., на суконной фабрике Лазарева в Москве 1874 г., она участвует в стачке 1878 г. на Новой Бумагопрядильне в Петрограде; она во главе стачки ткачей и ткачих в знаменитом выступлении рабочих в Орехове-Зуеве, сопровождавшемся разгромом фабричных зданий и вынудившем царское правительство поторопиться с изданием 3 июня 1885 г. закона, воспрещавшего ночной труд женщин и подростков.

Характерно, что стихийная волна рабочих забастовок, всколыхнувшая пролетарскую Россию в 70-х и начале 80-х годов, охватывала главным образом текстильную промышленность, в которой всегда преобладают дешевые женские рабочие руки. Волнения 70-х и начала 80-х годов возникали на чисто экономической почве, порождаемые безработицей и упорным кризисом в хлопчато-бумажной промышленности. Но разве не занимательно, что забитая, бесправная, закабаленная непосильным трудом, политически неподготовленная „фабричная", на которую с презрением сверху вниз поглядывала даже женская половина городского мещанства, от которой сторонились крепко державшиеся за старые обычаи крестьянки, именно эта партия классового общества оказывалась в передовых рядах бойцов за права рабочего класса, за освобождение женщин? Жизнь и тяжелые условия самостоятельно зарабатывающего пролетариата толкали фабричную работницу на открытое выступление против власти хозяев и кабалы капитала. Но, борясь за права и интересы своего класса, выступая только в качестве представителя наемного труда, работницы бессознательно прокладывали путь и для освобождения женщин, как таковой, от специальных путь, до сих пор еще тяготеющих над ней и создающих неравенство в положении и

условии жизни рабочих и работниц даже в рамках единого пролетарского класса:

В период новых, нароставших рабочих волнений, в средине и конце 90-х годов, работницы снова являются неизменными активными участницами рабочих восстаний. „Апрельский бунт“ на Ярославской мануфактуре в 1895 г. проходит при помощи живого восдействия ткачих. Работницы не отступают от товарищей во время частных экономических забастовок 1894 - 1895 г. в Петербурге. Когда же вспыхивает историческая стачка текстильщиков летом 1896 г. в Петербурге, ткачихи вместе с ткачами отважно и единодушно покидают мастерские. Что из того, что дома матерей-работниц ждут голодные ребятишки? Что из того, что стачка грозит многим рассчетом, высылкой, тюрьмой? Общее классовое дело выше, важнее, священнее материнских чувств, заботы о семье, о своем личном и семейном благополучии!

Женщина-пролетарка, забитая, робкая, бесправная, в момент волнений и стачек вдруг вырастает, выпрямляется и из себялюбивой, узкой, недоразвитой жены-самки превращается в равного борца и товарища. Это превращение делается бессознательно, стихийно, но оно важно, оно значительно. Это тот путь, по которому рабочее движение ведет женщину-работницу к ее раскрепощению не только как продавца рабочей силы, но и как женщину, жену, мать и хозяйку.

В конце 90-х годов и начале XX столетия происходит ряд волнений и забастовок на фабриках, где заняты преимущественно женщины: на табачных фабриках (Шапшал), на ниточных, мануфактурных (Максвель) в Петрограде и т. д. Классовое рабочее движение в России крепнет, организуется, оформливается. Вместе с ним растет и сила классового сопротивления среди женского пролетариата.

Но до великого года первой Российской революции движение носило преимущественно экономический характер. Политические лозунги приходилось прятать, преподносить в прикрытом виде. Здоровый классовой инстинкт толкает работниц на поддержку забастовок, нередко женщины сами организуют и проводят „фабричные бунты“, но едва спала волна острой стачечной борьбы, едва встали рабочие снова на работу победителями или побежденными, как женщины опять живут в рассыпную, еще не сознавая необходимости тесной организации, постоянного товарищеского общения. В нелегальных партийных организациях массовая работница в те годы попадались еще только как исключение. Широкие задачи социалистической рабочей партии еще не захватывали пролетарки, она оставалась равнодушна к общеполитическим лозунгам и не верила в возможность своего соб-

ственного раскрепощения как человека и женщины. Слишком темна и безпросветна была жизнь шести миллионов пролетариаток в начале XX века в России, слишком голодно, полно лишений и унижений их существование. Двенадцатичасовой, в лучшем случае одинадцатичасовой рабочий день, голодный заработок в 12—15 рублей в месяц, жизнь в перенаселенной казарме, отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны государства или общества в момент болезни, родов, безработицы, невозможность организовать самопомощь, так как царское правительство зверски преследовало всякие попытки рабочих к организации — такова была обстановка, которая окружала работниц. И плечи женщины гнулись под тяжестью непосильного гнета, а душа ее, запуганная призраком нищеты и голода, отказывалась верить в светлое будущее и возможность борьбы за свержение ига царизма и гнета капитала.

Еще в начале XX века массовая работница сторонилась политики и революционной борьбы. Правда, социалистическое движение России гордится обилием обаятельных и героических женских образов, которые своей активной работой и самоотвержением укрепляли подпольное движение и подготовляли почву для революционного взрыва последующих годов. Но, начиная от первых социалисток 70-х годов, полных обаяния и духовной красоты в роде Софии Бардиной или сестер Лешерн и кончая чеканно-сильной, волевой натуры Перовской, все эти женщины не были представительницами массовой работницы, пролетарки. В большинстве случаев это были те девушки, которых воспел Тургенев в своем стихотворении в прозе „На пороге". Девушки богатого, дворянского круга, которые уходили из родительского дома, порывали со своим благополучным прошлым и „шли в народ" с революционной пропагандой и борьбой с социальной несправедливостью, старавшиеся искупить „грехи отцов". Даже много позднее, в 90-х годах и начале XX века, когда марксизм успел уже пустить глубокие корни в русском рабочем движении, и тогда еще работницы-пролетарки участвовали в движении лишь как единицы. Активными членами подпольных организаций тех годов были не работницы, а интеллигентки: курсистки, учительницы, фельдшерицы, писательницы. Редко удавалось залучить тогда на нелегальное собрание „фабричную девушку". Не посещали работницы также вечерних воскресных классов за заставами Петрограда, которые давали единственную в свое время „легальную возможность" под видом различных наук, начиная от благонадежной географии и кончая арифметикой, пропагандировать среди более широких рабочих масс идеи марксизма и революционного социализма. Работницы все еще робко сторонились жизни,

избегали борьбы, все еще верили, что их удел—печной горшок, корыто, да люлька.

Первая революция 1905 г.

Картина резко меняется с того момента, как красный призрак революции впервые осенил Россию своими пламенеющими крыльями. Революционный 1905 год глубоко всколыхнул рабочие массы; впервые русский рабочий почуял свою силу, впервые понял, что на плечах его держится и все народное благосостояние. Проснулась тогда же и русская пролетарская женщина-работница, неизменный сотрудник во всех политических выступлениях пролетариата в революционные 1905—6 г. Она—везде и всюду. Еслиб мы захотели передать факты массового участия женщин в движении тех дней, перечислить активные проявления протеста и борьбы работниц, напомнить о всех самоотверженных поступках женщин пролетариата, о их преданности идеалам социализма, нам пришлось бы картина за картиной восстанавливать историю русской революции 1905 г.

Многим еще памятны эти красочные годы, полные романтики. Как живые встают в памяти образы „еще серой“ но уже пробуждающейся к жизни работницы, с пытливым, полным надежды взором, обращенным на ораторов в скученных собраниях гапоновских отделов, наэлектризованных зажигающим душу энтузиазмом. Сосредоточенные, торжественные безповоротной решимостью, мелькают женские лица в плотно сомкнутых рядах рабочего шествия и в памятное воскресенье 9-го января. Необычайно яркое для Петербурга солнце освещает это сосредоченное торжественно-молчаливое шествие, играет на женских лицах, которых так много в толпе. Расплата за наивные иллюзии и детскую доверчивость настигает женщин; среди массовых январских жертв работница-подросток, работница-жена—заурядное явление. Перебрасываемый из мастерской в мастерскую лозунг—всеобщая забастовка—подхватывается этими, вчера еще несознательными, женщинами и местами заставляет их первыми бросать работу.

В провинции работницы не отстают от своих столичных товарок. Изнуренные работой, тяжелым голодным существованием, женщины покидают в октябрьские дни свои станки и, во имя общего дела, стойко лишают своих малюток последнего куска хлеба... Простыми, за душу хватающими словами взывает оратор-работница к товарищам-мужчинам, предлагая бросить работу; она поддерживает бодрость бастующих, вдыхая энергию в колеблющихся... Работница неутомимо боролась, отважно протестовала, мужественно жертвовала собой за общее дело, но чем активнее становилась она, тем быстрее совершался про-

цесс и ее умственного пробуждения. Работница начинает отдавать себе отчет в окружающем, в несправедливостях, связанных с капиталистическим строем; она начинает болезненнее и острее ощущать всю горечь своих—женских—страданий и бед. Рядом с обще-пролетарскими требованиями, все яснее и отчетливее звучат голоса женщин рабочего класса, напоминающих о запросах и потребностях работниц. Уже во время выборов в комиссию Шидловского, март 1905 г., недопущение женщины в число делегатов от рабочих вызвало ропот и недовольство среди женщин; только что перенесенные общие страдания и жертвы практически сблизили, уравняли женщину и мужчину рабочего класса. Казалось, особенно несправедливо в эти минуты подчеркивать женщине-борцу и гражданке ее вековое бесправие. Когда избранная в числе семи делегатов от Сампсониевской мануфактуры женщина была признана комиссией Шидловского неправомочной, взволнованные работницы, представительницы нескольких мануфактур, решили подать в комиссию Шидловского следующее свое заявление-протест: „Депутатки от женщин-работниц не допускаются в комиссию под вашим председательством. Такое решение представляется несправедливым. На фабриках и мануфактурах Петербурга работницы преобладают. В прядильнях и ткацких мастерских число женщин с каждым годом увеличивается, потому что мужчины переходят на заводы, где заработки выше. Мы, женщины-работницы, несем более тяжелое бремя труда. Пользуясь нашей беспомощностью и бесправностью, нас больше притесняют наши же товарищи и нам меньше платят. Когда было об'явлено о вашей комиссии, наши сердца забились надеждою: наконец, наступает время,—думали мы,—когда петербургская работница может громко, на всю Россию и от имени всех своих сестер-работниц, заявить о тех притеснениях, обидах и оскорблениях, которых не может знать ни один работник-мужчина. И вот, когда мы уже выбрали депутаток, нам об'явили, что депутатами могут быть только мужчины. Но мы надеемся, что это решение неокончательно. Ведь указ государя не выделяет женщин-работниц из всего рабочего класса“.

Лишение работниц представительства, отстранение их от политической жизни в ту минуту, когда впервые открылась возможность населению управлять делами родины в первой Государственной Думе, казались вопиющей несправедливостью для всей той части женского населения, которая на своих плечах вынесла всю тяготу освободительной борьбы. Работницы неоднократно являлись на предвыборные собрания во время избирательной комиссии в первую и вторую Думу и шумными проте-

стами заявляли свое неодобрение закону, лишившему их голоса в столь важном деле, как избрание представителя в русский парламент. Бывали случаи, когда (напр. в Москве) работницы являлись на собрание выборщиков, срывали собрание и протестовали против производства выборов.

Что работница перестала относиться бесразлично к своему бесправному положению, свидетельствует и то, что из 40.000 подписей, собранных под петициями, обращенными в первую и вторую Государственную Думу с требованием распространения избирательных прав и на женщин, огромное большинство подписей принадлежало работницам. Сбор подписей, организованный Союзом Равноправности Женщин и др. женскими буржуазными организациями, производился по фабрикам и заводам. То, что работницы охотно давали свою подпись под начинанием буржуазных женщин, свидетельствует, однако, также и о том, что пробуждение политической сознательности работниц делало лишь первый робкий шаг, останавливаясь на полпути. Работницы начинали ощущать свою обойденность и свое политическое бесправие, как представительницы пола, но еще не умели связать этого факта с общей борьбой своего собственного класса, не умели нащупать правильный путь, ведущий пролетарскую женщину к ее полному и всестороннему освобождению. Работница еще наивно пожимала протянутую буржуазными феминистками руку. Равноправки всячески забегали к работницам, стараясь перетянуть их на свою сторону, закрепить работниц за собою, организовать в обще-женские и якобы внеклассовые, а по существу всецело буржуазные союзы. Но здоровый классовой инстинкт и глубокое недоверие к „барыням", спасая работниц от увлечения феминизмом, удержал их от длительного и прочного братания с буржуазными равноправками.

Года 1905—6 были годами, особенно изобиловавшими женскими митингами. Работницы их охотно посещали. Работницы внимательно прислушивались к голосу буржуазных равноправок, но то, что те предлагали работницам, не отвечало назревшим запросам рабынь капитала, не находило в их душе живого отклика. Женщины рабочего класса изнемогали под гнетом невыносимых условий труда, голода, необеспеченности семьи; их ближайшие требования были: более короткий рабочий день, более высокая оплата труда, более человеческое обращение со стороны фабричной и заводской администрации, поменьше полицейского ока, побольше свободы для „самодеятельности". Все эти требования были чужды буржуазному феминизму. Равноправки шли к работницам с узко-женскими делами и пожеланиями. Равноправки не понимали и не могли понять классового характера зарождающегося

женского рабочего движения. Особенно огорчала равноправок прислуга. По инициативе буржуазных феминисток созваны были первые митинги прислуги в Петербурге и Москве в 1905 году. Прислуга отозвалась охотно на призыв „организуйтесь“ и явилась в огромном количестве на первые же собрания. Но когда Союз Равноправности Женщин сделал попытку сорганизовать прислугу на свой лад, т.-е. попробовал устроить идиллический мешаный союз из барынь-нанимательниц и домашних служащих, прислуга отвернулась от равноправок и, к огорчению буржуазных дам, стала „спешно уходить в свою классовую партию, организуя свои особые профессиональные союзы“. Таково положение дел в Москве, Владимире, Пензе, Харькове и ряде других городов. Ту же участь постигли попытки и другой еще более правой политической женской организации, „женской прогрессивной партии“, старавшейся сорганизовать домашних служащих под бдительным оком хозяек. Движение прислуги перерастало рамки, которые предначертали для него феминистки. Загляните в газеты 1905 года и вы убедитесь, что они пестрят сообщениями об открытых выступлениях служанок даже в далеких медвежьих уголках России. Выступления эти выражались либо в виде дружно проводимых забастовках, либо в форме уличных демонстраций. Бастовали кухарки, прачки, горничные, бастовали по профессиям, бастовали, об'единяясь под общим наименованием „прислуга“. Протест домашних служащих, как зараза, переносился с места на место. Требования прислуги обычно сводились к 8-час. рабочему дню, к установлению минимума жалованья, к предоставлению прислуге более сносных жилищных условий (отдельной комнаты), вежливого обращения со стороны хозяев и т. д.

Политическое пробуждение женщины не ограничивалось, впрочем, одной городской беднотой. Впервые в России настойчиво, упорно и решительно стала напоминать о себе и русская крестьянка. Конец 1904 г. и весь 1905 г.—это период непрекращающихся „бабьих бунтов“. Толчком послужила японская война. Все ужасы и тяготы, все социальное и экономическое зло, связанное с этой злосчастной войной, тяжким беременем ложилось на плечи крестьянки, жены и матери. Призыв запасных взваливал на ее и без того обремененные плечи двойную работу, двойные заботы, заставлял ее, несамостоятельную, страшившуюся всего, что выходило из круга ее узких домашних интересов, неожиданно сталкиваться лицом к лицу с неведомыми до того враждебными силами, обязательно чувствовать все унижения безправия, изведать до дна всю горечь незаслуженных обид.... Серые, забитые крестьянки, впервые покидая насиженные гнезда, спешили в город, чтобы там, обивая пороги правительственных учреждений,

добиваться вестей от мужа, сына, отца, хлопотат о пособии, отстаивать свои интересы.... Все безправые крестьянской доли, вся ложь и несправедливость существующего общественного уклада, воочию, в живом, безобразном виде, предстали пред изумленной крестьянской бабой.... Из города она возвращалась отрезвленной и закаленной, затаив в душе бесконечный запас горечи, ненависти, злоби.... Летом 1905 года на юге вспыхнул ряд „бабьих бунтов". С гневом, с изумительной для женщины смелостью громят крестьянки воинские и полицейские управления, отбивают запасных.... Вооружаясь граблями, вилами, метлами, крестьянки изгоняют из деревень стражников. По-своему протестуют они против непосильного бремени войны. Их, разумеется, арестовывают, судят, приговаривают к жестоким наказаниям. Но „бабьи бунты" не стихают. И в этом протесте защита общекрестьянских и „бабьих" интересов так тесно сливается между собою, что отделить одно от другого, отнести „бабьи бунты" в рубрику „феминистского" движения—нет никаких оснований.

За „политическими" выступлениями крестьянок следует ряд „бабьих бунтов" на почве экономической. Это—эра повсеместных крестьянских волнений и сельско-хозяйственных забастовок. „Бабы" зачастую являлись в этих волнениях зачинщицами и подбивали к ним мужчин. Бывали случаи, когда, не добившись сочувствия мужиков, крестьянки одни шли в помещичьи усадьбы со своими требованиями и ультиматумами. Вооружившись чем попало, выходили они впереди мужиков навстречу карательным отрядам.... Забитая, веками угнетенная, „баба" неожиданно очутилась одним из непременных действующих лиц разыгравшейся политической драмы. В течение всего революционного периода, в тесном, неразрывном единении с мужчиной, стояла она бесменно на страже обще-крестьянских интересов, с удивительным внутренним тактом напоминая о своих специально бабьих нуждах только тогда, когда это не грозило повредить обще-крестьянскому делу.

Это не значило, будто крестьянки оставались равнодушны к своим женским запросам, будто они их игнорировали. Наоборот, массовое выступление крестьянок на обще-политическую арену, массовое их участие в общей борьбе укрепляли и развивали женское самосознание. Уже в ноябре 1905 г. крестьянки Воронежской губернии отправляют двух своих делегаток на крестьянский с'езд с приговором от женского схода требовать „политических прав" и „воли" для женщин наравне с мужчинами" *).

*) Достаточно вспомнить исторические письма-наказы крестьянок Воронежской и Тверской губ., обращенные в первую Государственную Думу или телеграмму крестьянок деревни Ногаткино, посланную депутату Аладьину „В великий момент борьбы права с силой мы, крестьянки села Но-

Женское крестьянское население Кавказа особенно отчетливо отстаивало свои права. Гурийские крестьянки на сельских сходах в Кутаисской губ. выносили постановления, требуя уравнения их в политических правах с мужчинами. На совещании сельских и городских деятелей, происходившем в Тифлисской губ. по вопросу о введении земского положения в Закавказье, в числе депутатов от местного населения были и женщины-грузинки, настойчиво напоминавшие о своих женских правах.

Разумеется, на ряду с требованием политического равноправия, крестьянки повсеместно поднимали голос и в защиту своих экономических интересов; вопрос о «наделах», о земле волновал в той же мере крестьянку, как и крестьянина. Местами крестьянки, горячо поддерживавшие идею отчуждения частно владельческих земель, охладевали к этому мероприятию, когда возникало сомнение, распределять ли наделы и на «женскую душу». «Если землю отнимут у помещиков и отдадут ее одним мужчинам,—озабоченно толковали бабы,—то нам, бабам, будет совсем кабала. Теперь мы хоть в экономии свои копейки зарабатываем, а там придется работать все на мужиков». Но опасения крестьянок были совершенно неосновательны; простой экономический расчет заставлял крестьянство стоять за наделение землей и «бабьих душ». Аграрные интересы мужской и женской части крестьянского населения так тесно сплетены между собою, что, борясь за уничтожение существующих кабальных земельных отношений для себя, крестьяне, естественно, отстаивали и экономические интересы своих «баб».

Но, с другой стороны, борясь за экономические и политические интересы крестьянства в целом, крестьянка научилась бороться одновременно и за свои специальные женские нужды и запросы. То же применимо и к работницам; своим бессменным участием в обще-освободительном движении, она еще больше, чем крестьянка, подготовляла общественное мнение к признанию принципа равноправия женщины. Идее гражданского равноправия женщин, ныне осуществленной в Советской России, проложен был путь не героическими усилиями отдельных женщин, сильных личностей, не борьбой буржуазных феминисток, а стихийным натиском широких масс работниц и крестьянок, пробу-

---

гатжина, приветствуем избранников народа, выразивших недоверие правительству требованием отставки министерства. Мы надеемся, что представители, подержанные народом, дадут ему землю и волю, отворят двери тюрем борцам за свободу и счастье народа и добьются гражданских и политических прав как для себя и для нас, бесправных и обездоленных, даже в своей семье, русских женщин. Помните, что женщина-раба не может быть матерью свободного гражданина". (Уполномоченная от 75-ти погатских женщин).

жденных к жизни громовыми раскатами первой российской революции 1905 г.

Когда-то, в 1909 г., в своей книге «Социальные основы женского вопроса», полемизируя с буржуазными феминистками, против которых целиком направлена моя книга, я писала: «Если крестьянская женщина и добьется в ближайшем будущем улучшения своего положения в бытовом, экономическом и правовом смысле, то, разумеется, лишь благодаря дружным, сплоченным усилиям крестьянской демократии, направленным к осуществлению тех обще-крестьянских требований, какие, в той или иной форме, не переставая звучат в крестьянской среде. Усилия феминисток «прочищать дорогу женщинам» тут не при чем... Если крестьянка избавится от существующих кабальных земельных отношений, она получит больше, чем в состоянии дать ей все феминистские организации, вместе взятые».

То, что писалось десять лет тому назад, теперь оправдалось в полной мере. Великая октябрьская революция не только осуществила основное, назревшее требование крестьянства обоего пола, передав землю в руки самих «землеробов», но и подняла крестьянку до почетного знания свободной равноправной во всех отношениях гражданки, закабаленной пока еще лишь устарелыми формами хозяйства и неизжитыми традициями и нравами семейного уклада.

То, о чем только начинала грезить работница и крестьянка в дни первой русской революции 1905 года, то провел в жизнь великий переворот октябрьских дней 1917 г.

Женщина добилась политического равноправия в России, Но этому завоеванию она обязана не сотрудничеству с буржуазными равноправками, а слитной, нераздельной с товарищами-рабочими борьбой, в рядах собственного рабочего класса.

Буржуазный феминизм и вопрос политического равноправия женщин.

Первый революционный 1905 год в России укрепил и утвердил идею политической равноправности женщин. Никогда еще в России ни до, ни после вопрос этот так горячо не дебатировался, никогда ни до, ни после он не занимал такого места на арене борьбы различных политических партий. „Женским вопросом“, главным образом, вопросом политической правоспособности женщин, занимались решительно все буржуазные партии, от представителей крупного капитала октябристов и до мелко мещанской трудовой группы включительно. Каждая партия подходила к разрешению этого вопроса с особой точки зрения, исходя из своих узко-классовых интересов; партии правее кадет стояли

за цензовое избирательное право, особенно, когда вопрос шел о земском самоуправлении, кадеты, народные социалисты, трудовики отстаивали „демократическую“, вернее буржуазно-демократическую, пяти-членную избирательную формулу, гарантирующую этим представителям мелкой и средней буржуазии преобладание в парламенте, особенно если число буржуазных избирателей будет преумнежено включением и голосов женщин мелко и средне-буржуазного класса.

„Женским вопросом“ занимались и „земства“, и с'езд либеральных деятелей, и многочисленные интеллигентско-кадетские союзы и обе первые Государственные думы (см. мою книгу „Социальные основы женского вопроса“, стр. 299 - 380).

Стихийное увлечение женскими правами создавало благоприятную почву для расцвета буржуазного феминизма в России. Можно сказать, что первая революционная буря, пронестаяся над Россией, родила женские буржуазные политические организации, стремившиеся об'единить под своим узко-феминистским знаменем женщин всех классов населения, впервые робко, ощупью прокладывающих себе путь к массовому участию в политической и государственной жизни страны.

До 1905 г. в России существовало лишь благонамеренное и скромное по своим задачам Русское Женское Взаимноблаготворительное общество, нечто в роде невинного „дамского клуба“ с приятныти собеседованиями, общежитием для тружениц-интеллигенток“, благопристойными собраниями членов исключительно женщин буржуазного круга с д-ром Шабановой и „культурницей“ Анной Павловной Философовой во главе. Правда, буржуазными феминистками, помимо женского Взаимноблаготворительного общества, делались попытки вести пропаганду своих идей и литературным путем; так в 1898 г. начал выходить ежегодно „Женский Календарь“ (издаваемый Прасковьей Ариан), а в 1999 по 1901 г. журнал „Женское Дело“, но цензурные условия в царской России тормозили даже такие невинные дамские затеи. Для проведения своих идеей буржуазным феминисткам приходилось говорить об „организации“, но именно организация и призыв к ней являлись наиболее запрещенным плодом в полицейско-помещичьей России.

Революционный 1905 г., выдвинувший новые запросы и открывший перед русским обществом (именно „обществом“, но еще не трудовым народом) неожиданные возможности борьбы за утверждение своих классовых интересов, заставил зашевелиться и женщин буржуазных классов. Рядом с умеренным политическим (т.-е. не занимающимся политикой) Женским Взаимноблаготворительным обществом, возникает боевая политическая

женская буржуазная организация — „Союз Равноправности“, носящий определенно кадетскую окраску, но старающийся уверить работниц и крестьянок, что „Союз“ — организация „надклассовая“, что его задача — борьба за интересы женщин всех слоев населения. Во главе „Союза“, однако, стоят определенные и активные кадетки: Тыркова (член Ц. К. партии народной свободы), Л. Гуревич, Мирович и др.

„Союз Равноправности“ основывает свой орган „Союз Женщин“ и широко раскидывает по России свои отделения, так что к маю 1906 г. в „Союзе“ числится свыше 8000 платящих членов.

Но непрерывный рост политического самосознания женщин делал неизбежным перегруппировку и общественных сил. Политический блок буржуазных элементов, возможный в „весну“ революции в 1905 г., уже к 1906 г. стал стеснительным даже для равноправок. Женские общественные элементы, подобно мужским, быстро и неудержимо расслаивались, дифференцировались; группировка женщин по феминистским организациям, стоящих на разных ступенях политического радикализма, совершалась сама собою помимо воли и желаний поборниц единства „женского движения“, по мере роста классовой и политической сознательности самих феминисток. Эпоха женского буржуазного блока закончилась немногим позже распадения блока мужского.

Уже весною 1906 г. из „Союза Равноправности“ выделяются правые феминистки, близкие по духу к мирнообновленцам и столь же бессильные, политически рыхлые и бесформенные, как эти последние. „Правые“ группируются вокруг „Женского Вестника“, периодического органа, издававшегося д-ром М. Покровской. Одновременно самостоятельно организуются и более левые радикальные элементы, основывая „Женский Политический клуб“, прикрытый полицией после роспуска первой Думы. Отмежевываясь от всех более умеренных по настроению женских организаций, члены „Женского Политического клуба“, однако, не сумели сами уяснить ни себе, ни другим, выразительницами какого класса населения они являются и каковы их ближайшие задачи? Должны ли они стать на защиту интересов пролетарок, крестьянок и вообще „трудящихся женщин“? Должны ли они преследовать определенные феминистские цели или работать на общеполитической почве? Шатание между этими основными задачами отличало собою кратковременную деятельность „Женского политического клуба“. Когда же в клубе возник вопрос о подаче в первую Государственную Думу петиции с требованием распространения на женщин избирательных прав, — петиции, покрытой по преимуществу подписями городских работниц, то среди членов клуба произошло серьезное

замешательство: клубная организация никак не могла отдать себе отчета в том, какая собственно политическая партия ближе к ней по духу, и кончила тем, что решила направить петицию в трудовую группу.

Намеренно подробно останавливаюсь на женском буржуазном движении и политической группировке феминисток в период первой русской революции, так как в те годы женское буржуазное движение представляло собою серьезную опасность для единства классового рабочего движения. Не только серые работницы, впервые приглядывающиеся к политической жизни, ощупью отыскивающие путь к своему освобождению, но уже организованные, испытанные социал-демократки, недавние подпольные работницы оказывались зачарованными новыми, непривычными для России боевыми лозунгами равноправок.

Тлетворное дыхание феминизма заражало в 1905 и 1906 г. не только меньшевичек и социалисток-революционерок, но и отдельных выдных и деятельных в то время большевичек.

На первом большом женском митинге в Петербурге, созванном 10-го апреля 1905 года Союзом Равноправности Женщин в зале Тенишевского училища, только две ораторши (из них одна была работница) осмелились внести кричащий диссонанс в дружный хор представительниц различных общественных групп и политических партий. Противницы всякого, даже временного, блока с буржуазн. феминистками предостерегали работн. от увлечения феминизма и взамен призывали работниц защищать единое рабочее революционное знамя. Но резолюция, нами предложенная, в которой отчетливо выдвигался принцип классового единства пролетариата обоего пола и необходимость единой, слитной борьбы за общие рабочие задачи и интересы, была решительно отвергнута.

В те дни приходилось еще отстаивать ясное и сейчас уже неоспоримое для каждой сознательной работницы положение, что в обществе, основанном на классовых противоположностях, нет места единому женскому движению. Женский мир, как и мир мужской, разделены на два лагеря: один по своим целям, стремлениям, интересам примыкает к классу буржуазному, другой тесно связан с пролетариатом, освободительные стремления которого охватывают также и решение женского вопроса во всей его полноте. И цели, и интересы и средства борьбы различны у той и другой категорий борющихся женщин, хотя обе они и руководятся общим лозунгом „освобождения женщин". Каждая из борющихся групп бессознатлеьно исходит из интересов собственного класса, которые придают стремлениям и задачам специфическую классовую окраску. Стать выше своих интересов, пренебречь ими ради торжества

другого класса может отдельная женщина, но не сплоченная женская организация, отражающая в себе все реальные нужды и интересы создавшей ее общественной группы

Для феминисток завоевание одинаковых с мужчинами прав, в пределах капиталистического мира, представляет собою вполне конкретную „самоцель“, для пролетарок равноправие есть лишь средство для дальнейшей борьбы с экономическим порабощением рабочего класса. Для феминисток ближайшим врагом является вообще мужчина, несправедливо захвативший себе все права и привилегии, женщинам же оставивший одни лишь цепи да обязанности. Всякая победа феминисток означает уступку мужчинами их исключительных прерогатив в пользу „прекрасного пола“. Совершенно иначе относятся к своему положению пролетарки: мужчина в их глазах вовсе не является врагом и угнетателем; напротив, он прежде всего товарищ в общей безрадостной доле, верный соратник в борьбе за лучшее будущее. Одни и те же общественные отношения порабощают женщину и ее товарища; одни и те же ненавистные цепи капитализма пригнетают их волю и лишают их радостей жизни. Правда, некоторые специфические особенности современного строя ложатся с удвоенной тяжестью на женщину; правда и то, что условия наемного труда превращают подчас подругу-работницу в злостную конкурентку мужчины. Но рабочий класс знает, где причины этого зла.

Политические права, доступ к избирательным урнам и депутатским креслам—истинная цель буржуазно-женского движения. Наиболее сознательные пролетарки знают, что ни политическое, ни юридическое равноправие не в силах разрешить женского вопроса во всей его полноте. Пока женщина принуждена будет продавать свою рабочую силу и сносить кабалу капитализма, пока жив современный эксплоататорский способ производства, до тех пор не стать ей свободной, независимой личностью, женой, выбирающей мужа лишь по влечению сердца, матерью, без страха глядящей на будущее своих детей... Конечной целью пролетарки является поэтому разрушение старого антогонистического классового мира и завоевание иного, лучшего, в котором не будет более способов для эксплоатации человека человеком.

Стать истинно свободной и равноправной женщина сможет лишь в мире обобществленного труда и победного коммунизма.

Первые попытки классовой организации работниц.

В годы первой российской революции пропаганда „единого женского дела“ со стороны буржуазных равноправок еще пред-

ставляла серьезную опасность для целостности рабочего движения. Особенно много вреда могли принести „левые“ равноправки, любившие щеголять революционными фразами и определенно искавшия опоры у женской рабочей демократии.

Учитывая, с одной стороны, эту опасность, наблюдая, с другой, пробуждающиеся среди работниц искания и стремления, на которые партия не давала пока жизненных и конкретных ответов, группа социал-демократок, состоявшая из меньшевичек и большевичек (в то время произошло официальное слияние обоих фракций), решила взять дело организации работниц в свои руки. В группу эту входили: Маруся Бурко (портниха), т. Антонова (ткачиха), т. Анна Семенова (текстильщица), т. Соловьева (наборщица), автор этих строк, позднее т. Клавдия Николаева и некоторые другие, сейчас деятельные работницы нашей партии.

Уже в 1905 году отдельные члены этой группы инициаторш вели открытую кампанию против буржуазного феминизма, выступая на митингах равноправок, с целью уяснить работницам точку зрения революционного марксизма на женский вопрос и на задачи работниц. С весны 1906 г. группа стремилась привлечь внимание партии к запросам и нуждам работниц, выдвигая необходимость специальной агитации среди женщин рабочего класса для привлечения их в партию и профессиональное движение.

Однако попытка повести специальную агитацию и пропаганду среди работниц встречали, с одной стороны, равнодушие, с другой—недоверие. Партийные центры, поглощенные в 1906—1907 г. серьезными, ответственными политическими задачами, в принципе хотя и признавали полезность такого рода работы, однако реально ничем не облегчали и не поддерживали попытки группы. Рядовые же товарищи часто не ухватывали смысл нового начинания и, усматривая в нем зерна „ненавистного феминизма“, не только не поощряли работу, но и тормозили начатое дело. Так, например, когда работницы пытались созвать свои первые собрания, рассчитывая на помещение вечерних классов, правление союза или клуба, они, к удивлению своему, находили помещение запертым. Шли наводить справки, но в ответ получали наивное об'яснение: для специально женских собраний помещения не даем.

В основе такого отношения лежало легко понятное опасение, как бы женское рабочее движение не покинуло классового русла и не запуталось в сетях феминизма. Но вследствие такого недоверия приходилось выдержать не мало столкновений с товарищами, тормозившими развитие начатого, необходимого и нужного дела.

Тем не менее в 1906 г. удалось провести несколько небольших собраний работниц за Невской заставой. Собрания эти

носили обычно полулегальный характер, собирались человек 25—30 в правлениях союзов, под видом делегатских собраний, в помещении воскресной школы, реже под прикрытием дозволенной цензурой лекции.

К весне 1907 г. движение среди широких масс работниц приняло уже настолько отчетливый массовый характер, что, в ответ на митинги буржуазных равноправок, социалистки решили созвать свои митинги работниц. Весенние митинги работниц в 1907 г. в доме Нобеля были своего рода событием в женском рабочем движении, этапом по пути классового самоопределения пролетарок. Это были первые митинги, которые были организованы партией для работниц и на которых выступали в качестве ораторов сами работницы.

Напряженная, под'емная атмосфера царила на этих первых собраниях работниц. Большой поместительный зал в доме Нобеля был переполнен, члены союза текстилей, союза иглы, наборщицы, работницы многочисленных предприятий Выборгской стороны с напряженным вниманием следили за речами. Обсуждались вопросы охраны труда детей и женщин, обеспечение материнства, вопрос политического равноправия женщин и отношение революционной рабочей партии к движению феминисток. Характерно, что на эти митинги феминистки не рисковали послать своих представительниц, настолько уже наметилась линия расхождения между равноправками и зарождавшимся движением работниц.

Один из митингов совпал с забастовкой на одном из крупных предприятий на Выборгской стороне и превратился в своего рода демонстрацию сочувствия бастующим и протест против произвола и гнета капитала. Полиция спешным порядком закрыла „женский митинг", на который власти сначала глядели сквозь пальцы, приученные к умеренности и благоразумию, царящему на собраниях буржуазных равноправок.

Тогда же весной 1907 г. возникла мысль „использовать легальные возможности", чтобы двинуть дело агитации и пропаганды среди широких масс работниц.

В свое время, весною 1906 г., левые буржуазные равноправки, группировавшиеся вокруг „Женского Политического клуба", основали в различных частях Петрограда четыре клуба работниц. Из них особенной деятельностью отличался Василеостровский. Он продолжал существовать полулегально даже после закрытия „Женского Политического клуба" равноправок и работницы крепко держались за эту форму организации, „клубы" или общества „самообразования" вообще процветали в те годы, пользуясь широкой популярностью среди рабочих масс.

Однако в общих клубах, как и вообще во всех классовых организациях, женщин было ничтожное число. На 600 900 членов числилось 12—20 работниц. Мешала обычная препона: «политическая серость», отсталость женщин. Поэтому группка инициаторш специальной работы среди женского пролетариата решила использовать эту форму «легальной возможности», чтобы с помощью клубной пропаганды привлечь к движению наиболее отсталые слои работниц.

Под прикрытием архи-невинного названия „Общества Взаимопомощи работниц", социалисткам удалось добиться в 1907 г. разрешения на открытие первого социалистического клуба работниц. Членами клуба могли быть и мужчины, но правление должно было состоять из работниц,—таков был устав, утвержденный градоначальством. Задачей клуба (разумеется, неупомянутой в уставе) являлось: взрыхление почвы для социалистического посева. Разбудить еще дремлющие слои женского рабочего населения, побудить их к самодеятельности, заставить мысль работать, укрепить революционный дух, сгруппировать распыленные женские рабочие массы вокруг клуба, затем перебросить их в партию, в классовые, профессиальные союзы—так понимали работу члены клуба.

В клубе в течение всей зимы 1907—1908 г. читались лекции, устраивались беседы, вечеринки. При клубе имелась читальня, дешевый буфет (чай, бутерброды), летом члены клуба организовали свою „летнюю колонию", чем давали возможность наиболее нуждающимся в отдыхе работницам побыть на чистом воздухе, на природе, хотя бы несколько недель. „Колония" устраивалась в складчину, при чем в ней участвовали и товарищи-мужчины—вообще клуб не носил характера специфически женской организации В первые же месяцы существования клуба работниц на Предтеченской улице в него записалось свыше 300 человек, из них около 100 рабочих. Клуб помещался вблизи союза текстильщиков отчего между клубом и союзом существовало самое живое общение. Членами клуба состояли преимущественно текстильщики (ткачихи, вязальщицы), но записывались в клуб и домашние служащие, и швеи и просто жены рабочих.

Группа инициаторш по ведению специальной агитационной работы среди женскаго пролетариата ограничивалась работой в клубе. Она устраивала лекции, митинги (поскольку позволяли полицейские рогатки), созывала специальные собрания работниц по союзам, вела агитацию в партийных районах. Особенно активно и настойчиво заработали группы после Первой Международной Социалистической Конференции, в Штуттгарте (1907 г.), на которой присутствовала и представительница от России (автор этих строк)

В годы усилившейся реакции первый клуб работниц был закрыт полицией. Но работа его оставила заметный и неизгладимый след. В клубе на Предтеченской была положена основа революционно-классовой пропаганды среди широких масс женского пролетариата России.

Работницы и с'езд равноправок.

Начало выделенной партийной работы среди женского пролетариата в целях вовлечения работниц в революционно-классовое рабочее движение относится к зиме 1907—8 года. Расхождение с буржуазными феминистками становилось все отчетливее. Но чем определеннее выявлялся „кадетский дух" Союза Равноправности, тем скорее отходили от него неустойчивые, колеблющиеся элементы женской трудовой демократии. К концу зимы 1907—8 г. отношения между равноправками и организованными работницами настолько обострились, что уже не пристав, а буржуазные феминистки лишали слова социал-демократок, если эти последние пытались выступить на митинге равноправок.

Тем не менее, когда у феминисток возникла мысль созвать Всероссийский Женский с'езд на декабрь 1908 г., социал-демократки решили принять в нем участие, использовав Женский с'езд, как трибуну для пропаганды идей социализма и для выяснения коренного различия между социал-демократией и буржуазными равноправками в женском вопросе.

Инициативу по проведению выборов на с'езд среди работниц взяло на себя Центральное Бюро профессиональных союзов. Позднее в работе участвовал и Петроградский комитет социал-демократической партии, делегировавший на с'езд погибшую в октябрьские дни т. Веру Слуцкую. Решено было использовать подготовку выборов на с'езде в целях самой широкой социалистической пропаганды среди работниц. Собрания работниц легальные, где возможно, но гораздо чаще нелегальные, в помещениях союзов, клубов и в частных рабочих квартирах, проводились начиная с сентября 1908 г. Приходилось прибегать к всевозможным способам обойти бдительное око вездесущей полиции; собрания созывались под видом «именин», под прикрытием „класса рукоделия" или урока арифметики в клубе... Для пишущей эти строки работа была особенно затруднительна в виду того, что подготовка к с'езду совпала с переходом моим на нелегальное положение. И тем не менее, невзирая на все полицейские препоны и преграды, собрания, связанные с женским с'ездом происходили почти ежедневно. По приблизительным подсчетам установлено, что в одном Петрограде удалось за два месяца провести свыше 50 собраний работниц, что по тем временам считалось колоссальной работой.

Крупные фабрики и заводы делегировали на с'езд представительниц; послала делегаток на с'езд также социал-демократическая партия (Петроградский комитет) и ряд профессиональных союзов.

Однако в день торжественного открытия Всероссийского Женского с'езда 10 декабря в зале Городской Думы выяснилось, что на 700 представительниц буржуазного феминизма имеется всего 45 представительниц организованного пролетариата. Но и эта малочисленная группа работниц сумела с полной отчетливостью и ясностью провести линию водораздела между буржуазным феминизмом и теми обще-классовыми задачами, какими задавались представительницы организованного пролетариата.

Немедленно по открытии Женского с'езда представительницы рабочих организаций, стоявшие на революционно-классовой точке зрения, сорганизовались в отдельную группу работниц. По всем основным вопросам с'езда (избирательному праву для женщин, охране труда, отношению к кустарному ремеслу, организации женщин по партиям или об'единению их вокруг буржуазных женских обществ) группа выносила свои самостоятельные резолюции, проникнутые революционно классовым духом.

Резолюции эти систематически отклонялись буржуазным большинством с'езда. Наиболее горячие схватки вызвал вопрос о методах и способах борьбы за избирательное право женщин. С пеной у рта накидывались на работниц и на представительниц партии завзятые феминистки, в роде Мирович, Калманович, кадетки Тырковой и др. По адресу социал-демократии бросался клеветнический упрек, что она празнает равноправие женщин лишь в „теории“. В ответ социалистки подвергали уничтожающей критике лицемерие буржуазных равноправок, с особенной выпуклостью выступающее в вопросе о борьбе за равноправие женщин. Требуя равноправия политического, буржуазные феминистки тем не менее собираются оставить в силе те основные условия, которые служат истинными причинами закрепощения женщин — частную собственность и капиталистический способ производства.

Между феминистками кадетского типа и групппой работниц пыталась внести „примирительную ноту“ Е. Д. Кускова с двумя-тремя ее приверженцами.

Однако, чем шире разворачивались прения на с'езде, тем отчетливее выступали коренные разногласия, существующие между равноправками и социал-демократками по вопросам тактики и самой политической программы. Так как решено было использовать с'езд как „легальную трибуну“, то по всем основным вопросам группа работниц выставляла своих докладчиц, преиму-

щественно работниц (тов. Клавдию, Николаеву, Волкову, Бурко и др.). Доклады эти, отпечатанные в Трудах Женского с'езда, отличались богатством статистического материала и давали характерную картину положения женского труда на фабриках, в мелко-ремесленной промышленности, в типографиях и т. д.

Когда основные вопросы порядка дня были исчерпаны, с'ездъ перешел к своей основной задаче — создать „обще-женскую", якобы „внеклассовую", а по существу типично буржуазную организацию. Группа работниц, внеся свое мотивированное заявление, покинула дамский с'езд. Уходом своим группа работниц подчеркнула, что считает абсолютно непреемлемым участие организованных работниц в каком бы то ни было блоке с буржуазными равноправками. Уход носил подчеркнуто демонстративный характер и вызвал негодование не только феминисток, но и всей буржуазной прессы.

Для широкой массы работниц Женский с'езд и выступление на нем группы работниц имел громадное воспитательное значение, С'езд провел резкую, отчетливую разграничительную линию между буржуазным феминизмом и женским рабочим движением. Если до с'езда у менее сознательных представительниц рабочего класса еще держалась иллюзія о допустимости об'единения всех женских сил во имя борьбы за женские права и интересы, то после дискуссий на с'езде и той враждебности, с которой феминистки относились ко всему, что отдавало революціонным социализмом, иллюзии эти отмерли сами собою. Каждой вдумчивой работнице становилось ясно, что от буржуазных феминисток ей ждать нечего.

„Женский с'езд" устранил на будущее время опасность увлечения феминизмом со стороны широких женских рабочих масс. После Женского с'езда работницы массами потянулись в классовые профессиональные союзы, стали группироваться вокруг партии. Дело классового воспитания работниц начало приобретать устойчивость и глубину.

Можно было бы с радужными надеждами глядеть в будущее, если бы вся политическ атмосфера не противоречила этим надеждам.

Россия вступала в полосу темной, безнадежной реакции.

В годы реакции

Период 1909 по 1912 г. были годами придушенного, обессиленного рабочего движения. Темные силы победили. Революция 1905 г. была разбита. Партия оказалась снова загнанной в подполье; большинству активных работников пришлось искать убежища в чужих странах. Профессиональные союзы влачили жалкое существование, находясь под вечной угрозой закрытия.

Замерла и работа по агитации и пропаганде среди работниц.

Активные силы в движении работниц были частью высланы в Сибирь и на далекий север, среди них и такой деятельный работник, как тов. Мария Бурко, вынесшая на своих плечах первые самые трудные шаги по организации работниц, частью посажены за решетку. В тюрьме томилась и преданная делу организации пролетарок ткачиха т. Антонова. Т. Антонова не вынесла репрессии и скончалась от туберкулеза. Многие видные руководительницы движения были отрезаны от России и общались с оставшимися товарищами лишь подпольными путями или печатным словом.

И тем не менее движение не было убито. Великий 1905 г. оставил глубокий, неизгладимый след; массовая работница, не интеллигентка, а именно работница, пролетарка, разбужденая первыми раскатами грома рабочей революции, тянулась к организации, цеплялась за влачившие полулегальное существование профессиональные союзы, записывалась в общества самообразования рабочих, входила в подпольные партийные группы.

Когда в 1910 г. созвана была вторая международная женская социалистическая конференция в Копенгагене, в связи с международным с'ездом социалистов, союз рабочих и работниц по обработке волокнистых веществ (текстильщиков) делегировал в Копенгаген свою представительницу (автора этих строк). Позднее, в 1912 г. на чрезвычайный международный с'езд социалистов, созванный по поводу балканских событий в Базеле, союз текстильщиков и союз иглы также делегировали свою представительницу (автора этих строк). Эти факты указывают, что и в самые темные годы реакции движение работниц не замирало, что работницы живо откликались на события мировой важности и стремились сохранить связь с международным движением работниц и рабочих.

Отчет, составленный ко 2-й международной женской социалистической конференции в 1910 году и отпечатанный на немецком и английском языках в трудах с'езда, дает ясную картину неоспоримого углубления и роста классового самосознания среди работниц России и служит ярким показателем, что движение с 1905 г. успело пустить настолько глубокие корни, что уже никакая реакция не в силах была его задушить.

В связи с принятым на 2-й международной конференции социалисток в Копенгагене в 1910 г. решением организовывать ежегодно во всех странах «женский день» [1]), поднят был вопрос

[1]) Подробности о международных конференциях социалисток можно найти в брошюре „Международная конференция социалисток", издательство Ц. И. К. 1919 г.

о проведении „женского дня“ и в России. Но условия царской России были еще слишком неблагоприятны для осуществления этого плана. Нельзя не указать здесь, что, кроме препон чисто полицейского характера, идея проведения „женского дня“ встречала в то время частью недоумение, частью равнодушие среди собственных партийных товарищей. „Женский день“ по решению международной конференции имел двоякую цель: с одной стороны, сосредоточить общественное внимание на вопросе избирательного права для женщин, почему основным лозунгом этого дня являлось требование политического равноправия для работниц. С другой стороны, «женский день» служил прекрасным способом всколыхнуть наиболее отсталые, бездеятельные, равнодушные женские массы.

Но именно эти специальные задачи „женского дня“ смущали многих товарищей. Становился вопрос: к чему особый „женский день“? Не есть ли это уклон в сторону феминизма?

Общая подавленная атмосфера, репрессии царского правительства, отсутствие активных работниц (кто был выслан, кто арестован), в связи с указанным скептическим отношением местных товарищей к идее „женского дня“ затормозил его проведение в жизнь на целых два года.

После Ленских событий 1912 года рабочее движение стало медленно, неуклонно расправлять свои члены, туго скрученные цепями жестокой беспощадной реакции.—Участились забастовки, появилась партийная, легально выходящая в Петрограде рабочая пресса. Глухой, задушенный ропот рабочего класса, стелившийся в темные годы реакции лишь по низам, становился все слышнее, все грознее... Вместе с рабочим подняла голову и работница.— Годы уныния, безверия в собственные силы были позади. Пролетариат, успевший накопить свежие силы и набраться духу, бодро шел навстречу новой борьбе.

Одним из признаков пробуждения силы в среде женского пролетариата явился первый „женский день“ в России. День этот отмечен был 9 марта 25 февраля 1913 г. выпуском специального номера обеих, выходивших тогда, партийных газет (большевистской и меньшевистской) с приветствиями русской работнице от Ав. Гебеля, Клары Цеткин, Каутского, П. Лафарга (Франция), Кейф-Гарди (Англия), Адельгейм Попп (Австрия), Хильи Персинен (Финляндия) и др. Происходили также нелегальные собрания работниц и легальные лекции для работниц в отдельных клубах.

Это первое скромное выступление русских работниц, приобщавшее их к международному движению работниц, имело однако громадное значение не только для России, но и для

международного классового рабочего движения. Рабочим других стран женский день показал, что период упадка рабочего движения в России позади „Женский день" 1913 г. был отмечен всей социалистической прессой, за границей, как симптом пробуждения русских рабочих.

„Если даже наиболее отсталый кадр рабочего класса—работницы—возвышают голос и напоминают о себе, то за судьбу революционного движения в России бояться нечего. Оно живо!»—таково было впечатление, произведенное на рабочих и работниц Европы и Америки первым скромным выступлением русских работниц в 1913 году.

С этого времени движение работниц, сливаясь с общим революционным движением рабочего класса в России, неуклонно идет вверх. В 1914 г. проводится второй „женский день", уже носящий отчетливо демонстративный характер [1]). С весны того же года начинают выходить два периодических журнала работниц. „Работница" (большевистский) и „Голос Работницы" (меньшевистский).

Силы пролетариата обоего пола растут и крепнут. К моменту мировой войны в России имеется уже налицо кадр сознательных организованных членов партии—работниц, ведущих специальную агитационную работу среди женского пролетариата.

Мировая война на время наносит решительный удар рабочему движению. Снова приходится наиболее стойким, революционно-настроенным рабочим и работницам уйти в подполье. Военно-осадное положение отнимает у рабочего класса последние видимости „легальных возможностей". Недовольство, гнез рабочих и работниц прорывается наружу лишь в образе все учащающихся экономических забастовок. В этих забастовках работницы играют активную роль. За время войны количество их во всех отраслях промышленности растет непрерывно и женщины начинают оказывать на рабочее движение не только России, но и других воюющих стран все более заметное влияние. Однако именно женщины—плохие патриотки. Клич „война до победы" не находит отклика в их сердцах. Их не подкупишь перспективой взятием Дарданелл... Работниц заботит другое: растущая дороговизна, призрак голода, судьба детей, оставшихся без кормильца, угнанного на фронт.

Именно в среде женского пролетариата недовольство войной, ропот и возмущение царской политикой свивает себе прочное гнездо.

---

[1]) Подробнее об этой полосе развития движения работниц см. статью тов. Инессы.

Чем невыносимее становятся условия жизни рабочего класса в эту эпоху затянувшейся мировой бойни, тем неуклоннее склоняются симпатии работниц в сторону революционного оборончества. Лучшие, наиболее сознательные силы пролетариев обоего пола стягиваются вокруг большевистской партии, несущей новые жизненные лозунги—превращение войны империалистической в войну гражданскую. Этот лозунг понятен и близок работнице, ненавидящей войну, изнывающей под бременем непосильной двойной тяготы: немного труда и заботы о семье. Раздражающая борьба с дороговизной, неутешительные вести с фронта, отсутствие проблеска надежды на скорое окончание мировой бойни и возвращение из окопов „кормильца", вот те причины, которые заставило работниц в исторический третий „Женский день „в России 25 февраля 1916 года выйти на улицу. Факел революции запылал в руках работниц и зажег уже готовый вспыхнуть костер народного гнева.

Дальнейшее развитие рабочего движения в России тесно сливается с великими событиями революционного 1917 г. и 1918 г. [1])

На наших глазах рушатся все те устои, на которых покоилось былое социальное рабство и политическое бесправие женщины. Наравне с мужчинами втягиваются в освободительную борьбу работницы и крестьянки бедноты. Былое обособление женского пола исчезает вместе с разрушением «незыблемых основ» частной собственности и классового господства.

Пожар мировой революции зовет работницу от печного горшка на арену баррикадной борьбы. Революция приобщает работниц к великому движению, осуществлению коммунизма. Революция завоевывает работнице в России полное политическое и гражданское равноправие.

Революция осуществляет требование работниц всех стран: равную оплату за равный труд. Революция освобождает женщину от кабалы церковного нерасторжимого брака и уравнивает в правах незаконно-брачных детей с законно-брачными. Великий подвиг, великие завоевания для женщины. Но как ни глубоки перемены, совершившиеся на наших глазах в бытовом и хозяйственном укладе стран, задетых войной и революцией, как ни шагнула Советская Россия вперед по пути коммунизма, наследствие капиталистического строя еще не изжито: условия жизни, быт рабочей семьи, традиции, державшие в плену ум женщины, кабала домоводства—все это еще не отмерло. И поскольку налицо имеются все те причины, которые мешали женщине рабочего класса актив-

---

[2]) Подробнее об этом периоде движения работниц см. мою брошюру „Работница за год революции".

но участвовать в освободительном движении пролетариата до войны, поскольку и сейчас еще партии приходится считаться и с политической отсталостью женщин, и с закабаленностью работницы в семье, постолько остается во всей силе вопрос о необходимости усиленной работы среди женского пролетариата с помощью специально для этого предназначенного партийного аппарата.

Система комиссии по агитации и пропаганде среди работниц в центре и на местах несомненно будет способствовать успешности работы. Было время, что мысль выделенной, специализированной работы внутри партии встречала отпор даже среди своих же товарищей. Но теперь после решения, вынесенного Всероссийским с'ездом работниц и одобренного партией, остается лишь приступить к ее практическому осуществлению. Наша партия не признает отдельного женского движения и всяких самостоятельных союзов или обществ работниц, но она никогда не отрицала целесообразности разделения труда внутри партии и создания таких технических партийных аппаратов, которые обещали бы увеличить численность ее членов или углубить ее влияние в массах. Сейчас Советской России нужно много сил для борьбы с врагами и для строительства коммунистического общества. Создать, воспитать эти силы из многомиллионного женского населения—таковы задачи партийных комиссий по агитации и пропаганде среди работниц. Таковы основные беглые штрихи, отмечающие самые существенные этапы массового движения работниц в России. Рожденное первой революционной волной начала 1905 г., движение работниц, еще неосознавшее своей классовой сущности, тянется к феминисткам, выкидывающим новый и заманчивый лозунг: дорогу женщине. По мере развития и углубления революции, особенно после октябрьской забастовки 1905 г., все резче и резче начинает обозначаться социальная пропасть, отделяющая работниц от буржуазн. равноправок. Социальные нужды и запросы женщин рабочего класса порождают идею выделенной работы среди женского пролетариата. В 1907 г. с этой целью партия приступает к организации митингов работниц, основывается первый клуб работниц. В годы реакции движение замирает. Но уже с 1913 г. снова возрождается и с тех пор растет безостановочно, все более и более сливаясь организационно с партией и вместе с тем все отчетливее требуя проведения в жизнь метода специализированной выделенной агитационной работы среди женского пролетариата.

Первый Всероссийский с'езд работниц совершает период кустарной работы среди женского пролетариата.

Партия берет это важное, назревшее дело в свои руки. Планомерность и преемственность работы среди женского пролетариата теперь обеспечена.

Пусть же поймут товарищи, готовые отдать свои силы специальной работе среди женского пролетариата, что беря на себя эту ответственную, трудную, подчас неблагодарную работу, они служат не узкоженскому делу, а назревшим задачам разрастающейся мировой революции. Только при активном сотрудничестве женского пролетариата возможно осуществить все грандиозные социальные начинания, намеченные партией коммунистов, только при деятельной поддержке работниц возможно одержать решительную победу над темными силами врагов трудящихся, только при сознательном участии работниц в борьбе между «красными» и „белыми", ускоряется процесс отмирания старого мира и облегчится строительство того социального фундамента, на котором освобожденный рабочий класс сумеет воздвигнуть новое, светлое здание коммунистического будущего. *А. Коллонтай.*

Борьба работниц за последние годы.

(Справка к напечатанным материалам).

Помещенный ниже материал, статьи и резолюции, интересен пропагандисту потому, что он представляет собой своего рода вехи, отмечающие линию развития движения работниц, и показывает, как за последние пять-шесть лет, сначала в связи с войной, а затем с революцией, наша партия большевиков определяла задачи работниц в их борьбе.

За последнее десятилетие перед войной женское рабочее движение развивалось почти во всех европейских странах с необычайной быстротой. В Германии, Австрии, Швеции, Дании и других странах работницы быстро организуются, число женщин, членов партии, возрастает относительно быстрее, чем мужчин, но тогда как мужской пролетариат всюду организуется в своих классовых организациях рабочих, движение работниц еще во многих странах было почти всецело под влиянием буржуазных женщин и буржуазного финансизма. Если в Германии и Австрии борьба работниц принимала определенно социалистический характер и журнал работниц „Равенство" принадлежал даже к левому крылу немецкой партии, то во Франции, например, работницы стали организационно отмежевываться от буржуазных дам и выкидывать их из своей среды только в 1914 году; английские работницы также находились еще почти всецело под влиянием равноправок и суффражисток, и только небольшая их часть была втянута в социалистическое движение.

В России, в связи с общим революционным под'емом, движение работниц стало особенно сильно развиваться за год до войны, в особенности с начала зимы 1914 г.

В феврале 1914 г. русские работницы решили праздновать, несмотря ни на какие препятствия, свой второй женский день

совместно с работницами других стран. В России для этого потребовалась особая решимость, сознательность и мужество. И Клара Цеткина, секретарь международного женского социалистического бюро, горячо приветствует русских работниц за это решение. „Приветствую вас, —пишет она, —за ваше отважное решение организовать женский день. Приветствую вас за то, что вы не падаете духом и не хотите сложить руки... Мы с вами душой и сердцем. Вас и ваше движение у нас будут вспоминать на многочисленных собраниях, устраиваемых в „женский день“ в Германии, Австрии, Венгрии, Америке...“

Этот день прошел с особенным, невиданным до того под'емом во всех этих странах. В России он прошел революционно.

В этот день по всему Петрограду должны были состояться митинги, и толпы народа ходят по этим митингам, но докладчицы арестованы, полиция, как водится, разгоняет публику, пущены в ход аресты и нагайки. Тем не менее вечером происходит большая демонстрация с пением революционных песен.

В Москве, Киеве и некоторых других городах митинги были совсем запрещены и их пришлось тайно проводить в загородных местах. На одном из этих митингов была принята резолюция приветствия Кларе Цеткиной, в которой говорилось, что русские работницы надеются, что условия русской действительности настолько изменятся, что в будущем году женский день в России будет праздноваться при участии вождей социализма западных стран с Кларой Цеткиной во главе.

Это показывает, что преследование царизма нисколько не обескураживало работниц. Они понимали, что их основной тогдашней задачей являлось свергнуть совместными усилиями рабочих ненавистное самодержавие и добиться политической свободы для дальнейшей борьбы за социализм. И они бодро и смело готовились к новым битвам.

В этот же день питерские работницы, опять-таки вопреки преследованиям правительства, которое за несколько дней до того арестовало почти всю редакцию, выпустили первый номер своего журнала „Работница“. Этот журнал, издававшийся работницами-большевичками, сразу стал подлинным органом работниц, где они писали о своих нуждах, страданиях и борьбе, вокруг которого они об'единялись и организовывались. Всего этого было вполне достаточно, чтобы журнал подвергся самым жестоким преследованиям, конфискациям, арестам и пр.; после пятого номера он был приостановлен.

Вместе с тем партия и профессиональные союзы прилагают все усилия к делу организации работниц. Профессиональные союзы портных, металлистов, текстильщиков и пр. создают

специальные группы по пропаганде и агитации среди работниц. Нелегальное партийное совещание центральной промышленности области, состоявшееся в январе 1914 г., принимает решение... „обратить особое внимание на агитационную работу среди женщин-работниц, составляющих во многих местах московского промышленного района 50 проц. всех рабочих".

Летом того же года русские работницы готовятся послать своих представительниц на международную конференцию работниц, которая должна была состояться в конце августа 1914 г.

Выборы делегаток, которые проходят под влиянием большевиков, производятся во всех рабочих центрах России, в Питере, Москве, Иваново-Вознесенске и пр. В Питере создается бюро работниц для произведения этих выборов: работницы завязывают сношения с международным женским социалистическим секретариатом посредством заграничной корреспондентки.

Несомненно, что на этой международной конференции сознательная русская работница заняла бы среди своих западных сестер наиболее определенную позицию революционного марксизма. Борьба работниц в России развивалась под флагом большевизма.

С самого начала движение работниц в России освобождается от буржуазного влияния.

Во всех своих выступлениях русские работницы громко и отчетливо заявляют, что борьба их едина с борьбой рабочего класса. Определеннее, решительнее чем какой-либо другой отряд женского пролетариата они отвергают всякую попытку навязать им какие-либо специфические женские задачи, отличные от задач рабочих. И они решительно отказываются не только от движения буржуазных женщин, но и от оппортунизма.

На заводах, фабриках, в больничных кассах, в профессиональных союзах работницы в борьбе с меньшевиками становятся по всем вопросам на сторону большевиков. Попытки меньшевиков об'единить их только вокруг лозунгов охраны материнства, детства и пр. остаются бесполезными. Работница организуется вокруг революционных лозунгов большевиков и принимает самое живое участие во всех тогдашних выступлениях и пр., а в июле 1914 г., почти накануне войны, они вместе с рабочими борются с оружием в руках на питерских баррикадах. В конце июля 1914 г., началась война, и временно движение затихает.

С началом войны рабочий класс всех стран был поставлен перед задачей самой беспощадной борьбы с национализмом и социалпредставительством и перед непосредственной борьбой за социализм.

Движение работниц было поставлено в новые, особенно трудные условия, каких она не переживала ни в какой другой исторический момент. До войны весь почин рабочих выступлений принадлежал

мужскому пролетариату. Работница, пролетариатка недавнего призыва, еще мало искушенная в борьбе, лишь в большей или меньшей мере приближалась к нему. С наступлением войны почти все рабочие были на фронте, всякие стачки, демонстрации, всякое выступление рабочих масс стало осуществимым лишь постольку, поскольку в него можно было втянуть работницу.

Вовсе не случай, что во всех воюющих странах забастовки против войны, дороговизны и пр. проводились работницами, что февральская революция в России началась в женский день, что первая международная рабочая конференция после начала войны была конференцией работниц.

Все это вытекало из общих условий, созданных войной. В тылу оставались почти только одни женщины, старики и дети. Движение работниц и юношества приобретает особое значение, которого они до этого времени никогда не имели.

Трудно было при господствующих тогда в большинстве странах настроениях, при наличии беспощадных репрессий со стороны буржуазии втянуть отсталые массы в это движение. Тем не менее борьба неуклонно развивалась.

Голод, холод, неизмеримые страдания, вызванные войной, неудержимо толкали работниц на уличные демонстрации, на стачки, на бурные протесты против дороговизны, на всевозможные выступления против войны.

С другой стороны, буржуазный дурман национализма, которым буржуазные меньшевики всех стран отравляли рабочие массы, который тяготел над всем пролетариатом, тяготел также и над работницами и мешал им ясно видеть задачи, которые стояли перед ними, мешал им видеть, что им нечего ждать от власти и что работницы избавятся от ужасов империалистической войны, в которой гибли миллионы их братьев и мужей, только путем свержения буржуазной власти, только путем революции.

И чем работница была несознательнее, чем меньше было сделано до войны для ее социалистического и революционного воспитания, тем медленнее она приходила к этому сознанию, тем медленнее был темп развития революции.

Таким образом война доказала с поразительной ясностью, как важно для борьбы рабочего класса и для его конечной победы втянуть работницу в общую борьбу рабочего класса и как близоруки были те „социалисты", которые пренебрегали этой задачей.

Задачи, которые стояли тогда перед работницами как в России, так и в других странах, и были отмечены в согласии с общей линией нашей партией в помещаемых ниже статье и резолюции, предложенной нашей партией на международной конференции работниц, состоявшейся в Берне весной 1915 г.,

на которой присутствовали представительницы от немецких, французских, швейцарских, голландских, английских и русских работниц и которая была созвана по инициативе заграничной редакции журнала „Работница“. Эта конференция была первой, на которой после начала войны, после краха Интернационала, представительницы рабочих воюющих стран встретились и совместно обсуждали задачи международного движения рабочего. Эта была первая попытка снова завязать и об'единить международный пролетариат, и в этом отношении несомненно, что значение этой конференции было очень велико. На ней присутствовали только представительницы возникающей тогда во всех странах оппозиции социал-предательству и национализму. Но вместе с тем эта оппозиция почти всюду еще только нарождалась—как раз незадолго перед этим произошла первая демонстрация немецких работниц против войны, она была нерешительна, слаба и проникнута еще идеями пацифизма.

Вот почему резолюция, предложенная на этой конференции делегацией Ц. К. нашей партии, призывающая к гражданской войне, к нелегальной работе, к братанью в траншеях, к самой беспощадной борьбе с социал-представителями и к окончательному разрыву с ними, оказалась непреемлемой для большинства присутствующих делегатов. На этой конференции произошло то же, что несколько месяцев спустя произошло в Циммервальде: резолюция, предложенная нашей делегацией, была отвергнута (ее поддерживала делегация Ц. К. и партия В. С. Д.) и вместо нее была принята другая в пацифистском духе.

Начиная с 1915 г, движение масс постепенно разрастается. В Германии и Австрии учащаются и разрастаются демонстрации работниц против войны, дороговизны, и все больше принимают характер революционный, направленный против правительства.

Во Франции развиваются сначала забастовки работниц на аммуниционных и других фабриках, а затем и демонстрации. В других странах то же самое.

В России рабочие и работницы пробудились еще раньше других. Сейчас же после начала войны уже в августе месяце 1914 г. работницы в Питере демонстрируют против войны и дороговизны и против правительства, затеявшего войну. Летом 1915 г. произошли сильные беспорядки в Иваново-Вознесенске и Питере. И движение, постепенно разгораясь, приводит, наконец к февральской революции.

Участие работниц во всей этой борьбе очень велико. Благодаря условиям, созданным войной, почти все массовое движение как в России, так и в других странах проводится работницами. Повторяю, вовсе не случайность, что первый день нашей рево-

люции совпал у нас с „женским днем" и что в этот день первый толчок революции был дан выступлением на улице работниц.

Работницы могли освободиться от вечного рабства, только при условии присоединения к общей борьбе рабочего класса, за свержение власти буржуазии и за социализм.

Работница еще до войны начала это понимать, усиленно вступая в ряды организуемого пролетариата, но удельный вес ее участия в общей пролетарской борьбе был еще не велик. Со времени войны движение переходит на новую высшую ступень своего развития. И значение работниц во всем великом революционном движении последних лет, которое, постепенно разгораясь, привело сейчас к мировой пролетарской революции, громадно.

И этого не должны забывать ни рабочие, ни работницы. Наша октябрьская революция, первый акт всемирной революции, в связи с переходом власти в руки рабочих, дала полное политическое освобождение рабочим и работницам и сделала их хозяевами жизни, дала им возможность строить ее по-своему.

Вместе с тем она поставила перед рабочим классом и в частности и перед работницами новые задачи строительства новых форм хозяйства, семьи, воспитания.

Конференция работниц Москвы и Московской области, состоявшаяся в апреле месяце 1918 г., и работниц Московской губернии, состоявшаяся в июне месяце того же года, не только своими резолюциями о задачах работниц и по семейному вопросу, но и всем своим порядком дня учла новые условия, созданные революцией, и сделала первую попытку наметить и новые задачи, которые в связи с этим стоят перед работницами.

В этом главная заслуга этих двух конференций, и с этой точки зрения они приобретают значение, как определенный этап женского рабочего движения, и важны, как материал для дальнейшей работы. Только что состоявшееся 1-ое Всероссийское Совещание работниц положило ту же мысль в основу своего порядка дня. Но Всероссийское Совещание созвано в более поздний период развития нашей революции, когда, с одной стороны, новые формы хозяйства и воспитания начинают крепнуть и принимать вполне определенное очертание и когда, с другой стороны, революция перекинулась уже на другие страны, на Австрию и Германию.

Наступает момент, когда работница не только в России, но во всем мире, наконец, освободится от своих цепей.

Это дает возможность I-ой Всероссийской Конференции работниц поставить вопросы о новых задачах работницы в вполне ясных, законченных формах. Это придает Всероссийскому Совещанию работниц, являющемуся представительством от миллиона работниц, всемирное значение.

Елена Блонина.

